

Елена
Чиждова

Елена
Чиждова

Время женщин

Романы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВАНОВА

Издательство
АСТ
Москва

Время женщин

Роман

Моим бабушкам

Мое первое воспоминание: снег... Ворота, тощая белая лошадь. Мы с бабушками бредем за телегой, а лошадь большая, только почему-то грязная. А еще оглобли — длинные, волокутся по снегу. В телеге что-то темное. Бабушки говорят: гроб. Это слово я знаю, но все равно удивляюсь, ведь гроб должен быть стеклянный. Тогда бы все увидели, что мама спит, но скоро проснется. Я это знаю, только не могу рассказать...

В детстве я не умела разговаривать. Мама водила по врачам, показывала разным специалистам, но все без толку: причины так и не нашли. Лет до семи я молчала, а потом заговорила, хоть сама этого не помню. Бабушки тоже не запомнили — даже самых первых слов. Конечно, я их спрашивала, а они отвечали, что я всегда все понимала и рисовала картинки — вот им и казалось, будто я с ними разговариваю. Привыкли отвечать за меня. Сами спросят, сами и ответят... Раньше мои картинки лежали в коробке. Жаль, что они не сохранились: тогда я бы все вспомнила. А так не помню. Даже мамино лицо.

Бабушка Гликерия говорила, что у нас была фотография, маленькая, на паспорт, а потом ее потеряли, когда заказывали портрет. Железный, для кладбища. Он тоже пропал. Может быть, отчим так и не собрался съездить, а Зинаида выбросила — как и мои картинки.

Я еще долго не любила зиму: тревожилась, когда падал снег. Думала о маме... Мне казалось, ей очень холодно — в летнем платье... Потом это прошло, но тревога осталась, словно в детстве, которое стерлось из памяти, было что-то страшное, о чем мне уже не узнать...

I МАТЬ

Лук крошу, а сама киваю: старухам виднее — пора так пора. А чего скажешь? Строгие. Где уж мне против них?..

Прежде-то нажилась в общежитии, в тесноте, да не в обиде — комната на восемь коек. А нынче — вольно... Спасибо месткомовским. Зоя Ивановна так и сказала: «Чего уж теперь... Разве дите виновато? Родила, так родила — обратно не пихнешь. У нас ведь как? Мать всему голова: и напоит, и накормит. Ну и что — без мужа? Нынче и таким помощь и почет. У Сытина, мастера с шестого, прибавление: двое у них теперь. Значит, отдельная, двухкомнатная полагается. Вот и вселяйся на их место».

Девять с половиной метров — сама себе барыня. Вот бы мать-покойница хоть одним глазком...

Им-то чего: «Не ты первая, не ты последняя. И помни: ребеночек наш, заводской. Значит, общий. Для власти падчериц нету. Так что не сомневайся: ясли, сад, подрастет — лагерь. Да и ты, небось, не одна — в коллективе. А вот таишься зря. Не ветром же надуло. Таких кобелей, да мигом в ежовые рукавицы!»

Смолчала. Больше не спрашивали.

Думала, хорошо, что город. Вон их — ходят по улицам. Тыщи и тыщи.

Не то что деревня. Там бы прознали — все мужики наперечет...

Если б с завода, может бы, и открылась... Зоя Ивановна больно ласкова. А так — чего скажешь? Только имя и знаю. Ни адреса, ни фамилии...

Евдокия бровью повела:

— Масло постное кончается.

Гляжу, куда там... Кончилось. На самом дне остатки. Пьют они его, что ли? На той неделе брала.

— А лук-то?.. — оглядываюсь. — Обжарить ведь надо.

— Так ты, — учит, — на маргарине обжарь.

Сам красивый был, статный. А не поймешь его. Выражался чудно — по-городскому.

«Вы, — обращается, — девушка, давно ждете?» Кивнула, а сама молчу: неловко с незнакомым. Вроде и вежливый, а все равно. Постоял-постоял, снова спрашивает: «Это вы к Деду Морозу собрались?»

«Как это?» — даже удивилась.

«А мешок у вас, — кивает, — вместительный. Для подарков?» Смешно мне стало. «Какие, — улыбаюсь, —

подарки! На рынок, за картошкой». Тут он брови поднял: «На рынок? — переспрашивает. — С мешком?»

«Так, — объясняю ему, — воскресенье. На всю комнату взять». — «На комнату? — головой качает. — А как же — на прихожую? Голодной останется? Или комната у вас добрая, поделится со всеми?..»

Тыльной стороной смахнула луковые слезки. Улыбнулась тайком.

Мешаю, мешаю... Все ж таки плохо на маргарине. Брызгает во все стороны. Руку всю ошпарила. Евдокия и тут наставляет:

— Мылом хозяйственным помажь.

Постоял-постоял, к фонарю пошел. А ноги длинные, как у журавля. Ходит, притопывает. На часы глянул: «И сколько ж нам ждать?» Терпения у него нету, замерз, видно. И ботинки тоненькие, на рыбьем меху. «Да скоро теперь, — утешаю. — Я вон давно стою...»

«Не-ет. Гиблое это дело, — оглядывается. — Стоим, стоим, а народу никого». — «Так спят же». — «Спят? — переспрашивает. — Правильно. Вот и мне бы так, дураку...»

Да уж, думаю. И лицо какое-то мягкое. Видать, гуляли всю ночь. А перегаром не несет. Наши мужики как с вечера выпьют, прям до обеда перегар.

«А вы, — с духом собралась, — рано-то... Тоже, видать, по делу?» — «А как же... — глаз прищурил. — Проснулся и — на рынок. За картошкой». — «Ой!» — обрадовалась. А он оглядел меня и говорит: «Удивляюсь я, девушка. Вы что ж это, в Америке учились?»

«Почему, — напугалась, — в Америке? В деревне. Малые Половцы». Брови свел: «В нашей, — уточня-

ет, — в советской? А главного не помните: куда коллектив, туда и я».

«Какой коллектив?» — совсем сбилась. «А мы с вами? — смеется. — Граждане, собравшиеся на остановке... В сложившихся обстоятельствах предлагаю взять такси...»

В гости к себе привел. Квартира большая, просторная. «А где же все?» — спрашиваю. «А все, — говорит, — на даче. В смысле, предки».

Как же это, думаю, на даче? Зима ведь...

«А где же, — оглядываюсь, — соседи?» — «Увы. — Руками развел. — Этого добра не держим. Живем, как при коммунизме».

Зашла. И правда. Богато живут. Стол письменный, книжки по стенкам расставлены. Над диваном мужик бородатый. Кофта на нем вязаная. Висит в рамке. «А это кто ж?»

«Да, — рукой махнул, — есть тут один». Может, догадываюсь, тоже из предков. Под бородой разве поймешь...

Посидели, кофе сварил. Чашки тонкие, белые, прямо пить страшно. Не дай бог ручка отломится. «Сахар, — подвигает, — клади». Глотнула, прямо сморщилась. Две ложечки положила, а все равно горько.

«Черный кофе, — говорит, — на любителя. Распробовать надо. А ты не горюй, привыкнешь». Глоточек отпил, отставил. Сам-то, видать, не больно привык...

И вина ведь не пили, а я будто пьяная. Голос его слушаю. Не знаю, как и случилось... Видно, затмение на меня нашло...

Ящик дернула, нащупала терку. Теперь морковину потереть... Лук шкварчит, шкварчит... Выключила конфорку. А рука-то ноет. Воду отвернула — сунула под кран...

На неделе в кино позвал. А я и рада. Девкам нашим завидовала: парочками гуляют. «Ко мне, — объясняет, — нельзя. Предки с дачи примчались. Наслушались радио». Сам хмурый какой-то.

Приходим, а там комедия. «Карнавальная ночь».

«Вот хорошо, — говорю. — Нашим всем понравилось». Пожал плечом.

Из кино выходим. Я-то радуюсь, а он — туча тучей. «Что, — удивилась, — не понравилось? А мне — прямо очень... Вот нам бы так... Хорошая у них жизнь, как в сказке».

«Кончились сказки, — усмехается. — Про Венгрию слыхала?..» — «Про какую Венгрию? По телевизору, что ли? Так знаю. На политинформации объясняли: враждебные элементы... Против нас чего-то надумали. И чего им там не живется?»

Гляжу, а у него рот дернулся — как плетью ожгло. Глаза мутные — не мертвые, не живые. Будто рыбы. Рукой махнул, пошел...

Побежать за ним?.. А сама стою. Так и стояла, пока не скрылся...

— Ой, забыла! Я ж вам — постного сахарку. Это они любят. Цветной, самодельный. Распустишь с вареньем, постоит, схватится — вроде карамели. Ножом поддела. Пусть клюют.

Так-то всегда с колотым. Не дай бог песок подать. Щипчики маленькие, блестящие. Старинные. Теперь

таких нету. Колют звонко, меленько. Возьмут кусочек и — в рот. Прихлебнут и сосут. Раньше думала, жалуют. Что ж, на сахар не заработаю? Нет, отвечают, так вкуснее. И девку, поди ж ты, приучили. Сахарницу придвинешь — отодвигает...

Въезжала, девки стращали: «Как еще уживешься, с соседями!» В общежитии-то свои. А тут — чужая, деревенская, с дитем. Поди, говорят, с женой сытинской посоветуйся: может, чего дельное скажет.

Нашла ее. «Ты, — говорит, — старух не бойся. Главное дело — поставь себя: пусть не думают, что хозяйки. В кухне мое место займешь — я хорошее отбила, у окна. А так, если что, возьми да прикрикни: по углам и расползутся. Жалко, мужика у тебя нету — моего-то боялись...»

Въехала. Ничего, тихие старухи. А все равно боязно. Сытина-то баба здоровая, поперек себя шире. Гаркнет — хоть святых выноси.

Первое время тишком старалась. Утром в одеялко закутишь, коляска под лестницей — на замке. Замок тяжелый, на цепочке. Коляску завод подарил, замок сама купила — в хозяйственном. Вниз — бегом, замок отопрешь, под матрасик на дно засунешь и наверх — за ребенком. Погрузились и — метель, не метель, — в ясли. Бросишь нянькам — и на работу. Ясли свои, заводские. Все одно — душа болит. Бывало, надо во вторую, мастер попросит. К ночи приходишь — нянечка дежурная. Разбудит, замотает, принесет. Все бы ничего — хворать стала. Зоя Ивановна утешала: «Все дети болеют, и твоя отболеет».

Ясли на балансе — завод персоналу доплачивает. Да и мамки к праздникам носят — кто конфеток, кто

чулки. Носить-то носила, а как спросишь? Грудничков много, а нянька одна. То мокрая наорется, то животик схватит. Умаялась с больничного на больничный. И выписывали, конечно, по среднему: разве сравнишь, когда с выработки.

Сперва ничего. Температура подымется, лекарства накапаешь. День-другой, и спадает. Потом уж судороги начались. Посинеет, закатится вся. Глаза мутные, белые. Все, сердце замрет, кончается. Решилась в деревню отдать. Мать еще жива была. Тут старухи и явились. Легли костями.

У самих — никого. Мужья-дети сгинули, поумирали. И внуков нету. Иди, говорят, работай. Неужто не вырастим втроем?

Так и повелось: сама на работу, с работы — по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить. Пенсии у них — слезы. Свои приходится докладывать. Зато дите как принцесса. Почитай, три няньки на одну — и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки читают. Учат, кому сказать, по-французски.

Девка умная — одно слово, городская. Картинки всё рисует. Буквам в четыре года выучилась. Понимает все. Только не говорит. Пять лет, шестой, а все молчком.

Так ведь сама и виновата. Молчала до последнего, пока живот не полез. Беременных-то у нас переводят. Принесешь с консультации справку, заберут из вредного. Кого в уборщицы поставят, кого на склад. Мужним — что? Они в своем праве. А тут — как признаешься? Стыд...

Раньше, до указа — ни-ни. Не убереглась — рожай. Да девок наших разве удержишь — чуть что, тайно из-

бавлялись. Одна, говорили, прямо заладила. Мужики смеялись: вот паразитка, цельную бригаду извела. А ей хоть бы что — отлежится и опять за свое. А две, рассказывали, померли. Вроде заражение крови. Указ-то вышел — теперь пожалуйста: ходи хоть каждый год. Страшно, конечно: по живому режут. Да делать нечего — решилась.

В больницу пришла, а доктор: «Поздно. Срок большой. Теперь рожай».

Таблеток в аптеке купила. Выпью, думаю, может, скину. Неделю пила. Куда там...

Три года исполнилось, повела в поликлинику. Докторша рот смотрела, картинки на столе раскладывала. Так, говорит, все нормально. Слышит. Понимает. Это у нее задержка развития. Ждать надо — может, заговорит.

Сказала, профессор есть в Москве. Ехать, снова деньги. А где ж их взять, думаю? И так от зарплаты до аванса...

По первости плакала все: ох, вырастет уродом... Ни в школу, ни в лагерь. А главное, без семьи. Кто ее замуж возьмет — немую? Век прокукует пустоцветом. Разве что немного найдет, себе под стать.

Старухи, спасибо им, утешали. На все божья воля. Придет время, заговорит. А бывает, идешь по улице. Кругом дети чужие — разговорчивые. Сердце кровью обольется. Отвернешься, слезы сглотнешь.

Старухи наставляют: там, на работе-то — молчи. Спросят, отвечай: хорошо все. У людей языки длинные, дурные. Все беды от языков. В глаза посочувствуют, а меж собой, кто их знает? Ославят. Оговорят.

— Щи кислые будете?

Будут. Суп полезно. Вчера хороший кусочек взяла — в гастрономе, на площади. Грудинка. Это они любят, с жирком. А то еще с косточкой. Хорошо, когда мозговая. «Мозги, — велят, — ребенку выбей. Мы уж чего...»

— В тазах у меня... Там, в углу. Бельишко замочено. Теперь уж вечером постираю, после смены.

Про старух ведь так и не знают. Сказала: мать выписала из деревни, она и смотрит. Зоя Ивановна тоже спрашивала. Нет, говорю, дома не болеет. А она: пока ясельная — ничего, подрастет, в садик надо — в коллектив. Дескать, в школу пойдет, трудно будет. С непривычки. Подумала-подумала, может, и вправду с детьми-то свободнее. Разыграется, разговорится. Старухи не дали. Пусть, говорят, дома. Успеет намучиться. Теперь вот новое удумали: в театр.

На елку, что ли, спрашиваю? Так я взяла. Билетики в цеху раздавали, всем детным. Вынула, показала им. Сбоку талончик на подарок: Дед Мороз конфетки выдает, сласти всякие, вафли. Мороз Морозом, а завод, конечно, доплачивает. В цеху говорили, хороший. И шоколадка вложена. Мы-то не покупаем. И понятия такого не имеет. Когда батончиков соевых, когда карамелек...

Поглядели: нет. За подарком сама сходишь. А она не пойдет. Ей в другой — в Мариинский. И билета не надо — так пропустят. Там у них товарка знакомая. Вместе в церковь ходят. И проведет, и посадит, и приглядит. Тоже одинокая: ни детей, ни внуков.

Костюмчик купить велели: шерстяной, китайский. Кофточка на пуговицах, рейтузики и шапка. Все дети,